КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1881 года № 37 16-го сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

—

Открытіе бюста Николаю Васильевичу Гоголю въ г. Нѣжинѣ*).

4-го сентября происходило въ г. Нѣжинѣ торжественное открытіе бюста безсмертному Н. В. Гоголю, сооруженнаго комитетомъ, образовавшимся въ Нѣжинѣ. Особыхъ приглашеній къ участію въ торжествѣ почти не разсылалось, поэтому собравшіеся на празднество почтенные гости и депутаты были по преимуществу изъ Кіева и ближнихъ мѣстъ.

Всѣ эти лица, а также масса публики, какъ мѣстной такъ и пріѣзжей, и нѣжинскія учебныя заведенія in corpore собрались къ 9 ч. утра въ зданіе филологическаго института. Туда-же депутаты различныхъ учрежденій, корпорацій и обществъ принесли свои вѣнки и эмблемы, приготовленные для увѣнчанія бюста. Въ 9½ ч. утра въ церкви института отслужена была литургія, панихида и молебствіе, причемъ настоятелемъ институтской церкви, протоіереемъ А. Ѳ. Хойнацкимъ, была произнесена проповѣдь, которую мы приводимъ ниже цѣликомъ. По окончаніи богослуженія, изъ двора института двинулась торжественная процессія, составленная въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ шли воспитанницы мѣстной женской прогимназіи, далѣе воспитанники мужской гимназіи и нѣжинскаго филологическаго института, затѣмъ почетные гости, представители г. Нѣжина съ и. д. городскаго головы во главѣ, профессорская корпорація института и учителя мѣстныхъ учебныхъ заведеній, наконецъ за ними двигалась группа депутатовъ въ числѣ 14-ти мужчинъ и 3-хъ дамъ, съ вѣнками и различными эмблемами, дѣлясь на ряды, причемъ въ началѣ помѣщались депутатки отъ женскихъ учебныхъ заведеній, за ними слѣдовали депутаты отъ мужскихъ учебн. заведеній Нѣжина и Кіева, общества драматическихъ писателей, редакцій 3-хъ кіевскихъ газетъ, служащихъ кіевскаго земельнаго банка, кіевскихъ, нѣжинскихъ и житомірскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Каждая отдѣльная группа въ процессіи имѣла во главѣ особый значекъ, на подобіе знамени. Въ числѣ почетныхъ гостей находились: черниговскій губернаторъ, кн. Шаховскій, супруга кіевскаго губернатора Екат. Мих. Гессе, нѣжинскій предводитель дворянства В. В. Тарновскій съ супругою, кн. Рѣпнинъ, П. А. Кочубей, графъ Мусинъ-Пушкинъ и другіе. Хотя кіевскій университетъ не посылалъ депутаціи, тѣмъ не менѣе представителями университета явились профессора: Н. К. Ренненкамфъ, Ю. Д. Сидоренко, П. В. Павловъ, В. А. Бецъ, Д. И. Пихно, И. В. Лучицкій и Ф. Г. Мищенко. При звукахъ военнаго оркестра, игравшаго „Коль Славенъ“, процессія двинулась среди толпы народа по улицамъ, ведущимъ къ городскому саду. Дома на пути движенія процессіи были

*) Изъ „Кіевлянина“.

украшены флагами и повсюду въ окнахъ, на балконахъ, мѣстами даже на крышахъ и колокольняхъ лѣпился народъ, любуясь на торжественное шествіе.

По прибытіи въ городской садъ, процессія, при колокольномъ звонѣ и при звукахъ музыки, прошла по аллеямъ, украшеннымъ флагами, и остановилась у бюста, помѣщавшагося внутри цвѣточной арки, декорированной флагами и транспарантами съ названіями сочиненій Гоголя. Памятникъ, освобожденный отъ покрывала, явился глазамъ въ видѣ гранитной, четырехъ-угольной колонны, стоящей на небольшомъ холмикѣ. На вершинѣ колонны—бронзовый бюстъ Гоголя, а на одной ея сторонѣ—надпись: *„родился въ Малороссіи 19 мар. 1810 г., поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ 1821 г., кончилъ въ 1828 г. Умеръ въ Москвѣ 21-го февраля 1852 г. и погребенъ въ московскомъ донскомъ монастырѣ“*. Съ другой стороны вырѣзано: *„и долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“*. Предсѣдатель комитета по сооруженію бюста, войдя на обитую краснымъ сукномъ эстраду, устроенную у подножія бюста, прочелъ заявленіе о принятіи городомъ бюста, причемъ музыка заиграла національный гимнъ и громкое „ура“ огласило площадь и близъ лежащія улицы. Вслѣдъ за этимъ депутаты начали поочередно входить на эстраду и класть вѣнки и эмблемы къ подножію монумента. Порядокъ возложенія былъ слѣдующій: прежде всего шли депутаты отъ города Нѣжина, затѣмъ депутатки отъ женскихъ учебныхъ заведеній, за ними—депутаты отъ газетъ и т. д. Каждое возложеніе вѣнка сопровождалось громкимъ „ура“ громадной толпы, сливавшимся со звуками оркестра. По окончаніи этой церемоніи часть вѣнковъ была отправлена въ залу торжественныхъ собраній института, гдѣ они послужили декораціей портрету Гоголя, помѣщавшемуся надъ каѳедрой, съ которой должны были читаться рѣчи. Въ этой залѣ въ 1 ч. дня собрались всѣ почетные гости, депутаты и публика, не вмѣстившаяся вся въ залѣ и наполнившая сосѣднее помѣщеніе. Тогда г. Дейкунъ, предсѣдатель комитета по сооруженію бюста, прочелъ телеграммы и адресы отъ разныхъ учрежденій и лицъ, между прочимъ отъ преосв. Серапіона епископа черниговскаго, отъ директора коллегіи Павла Галагана, отъ кіевскихъ 2-й и 3 гимназій, отъ кіевской прогимназіи, отъ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ, изъ Львова отъ редакціи „Вѣстника Европы“, отъ академиковъ Грота и Савича, отъ И. С. Аксакова и др.

По прочтеніи телеграмъ Н. Я. Гротъ прочелъ отчетъ комитета по сооруженію памятника. Изъ этого отчета видно, что составившимся въ прошломъ году съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ комитетомъ, путемъ подписки, собрано на устройство памятника 8095 р. изъ коихъ израсходовано до сего времени 5028 р., Оставшаяся сумма имѣетъ быть употреблена или на дешевое изданіе сочиненій Гоголя или на учрежденіе стипендіи его имени въ заведеніи, въ которомъ онъ воспитывался.

Затѣмъ директоръ института г. Лавровскій прочелъ прекрасную рѣчь, въ которой доказалъ, что перелома, относимаго къ 1841 г., въ жизни Гоголя не было, что съ дѣтства онъ воспитанъ былъ на религіозныхъ началахъ, которыя всегда были присущи его натурѣ, и что только подъ конецъ жизни религіозное чувство въ поэтѣ возрасло въ высшей степени и довело его до отрицанія всей своей прежней авторской дѣятельности.

Послѣ еще двухъ рѣчей, торжественное собраніе закрылось при звукахъ національнаго гимна.

Въ 6 час. вечера, нѣжинскимъ предводителемъ дворянства, В. В. Тарновскимъ, былъ устроенъ въ большомъ залѣ института обѣдъ, слишкомъ на сто персонъ.

Во время обѣда В. В. Тарновскимъ предложенъ тостъ за здравіе Государя Императора. Тостъ этотъ встрѣченъ громовыми „ура“, заглушавшими „тушъ“ полковой музыки. По предложенію П. А. Кочубея рѣшено составить и послать г. министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, прося его повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданическія чувства собранія.

За этимъ тостомъ слѣдовали другіе и обѣдъ закончился лишь въ началѣ 9 часа.

Вечеромъ громадная масса мѣстныхъ жителей, не смотря на дождь, гуляла въ городскомъ саду, гдѣ играла музыка возлѣ недурно иллюминованнаго, вновь воздвигнутаго, памятника.

Хоръ гимназистовъ и студентовъ института пѣлъ возлѣ памятника до поздней ночи національный гимнъ, а толпа сопровождала его криками „ура“.

Кіевская духовная Академія, къ родоначальницѣ которой, кіевской бурсѣ, обращалась иногда вдохновенная мысль поэта, воспѣвавшаго ея питомцевъ, не осталась безучастною къ торжеству 4

сентября. Студенты Академіи послали въ Нѣжинъ слѣдующую телеграмму: „Студенты Кіевской духовной Академіи, раздѣляя мысленно радостное торжество, посвященное памяти незабвеннаго Николая Васильевича Гоголя, съ восторгомъ спѣшатъ заявить о своихъ добрыхъ чувствахъ къ памяти великаго русскаго писателя“.

Уроки религіозно-нравственной жизни и дѣятельности для писателей, извлеченные изъ сочиненій Н. В. Гоголя.

Слово по случаю открытія бюста Гоголю въ Нѣжинѣ, сказанное въ нѣжинской институтской церкви 4-го сентября 1881 года.

Ровно шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ храмѣ и въ этотъ день, молился отрокъ, незадолго предъ симъ записанный въ *памятописныхъ* книгахъ бывшей въ стѣнахъ здѣшняго заведенія „гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко“, подъ именемъ *Николая Гоголя-Яновскаго*. Никто не подозрѣвалъ въ немъ тогда будущаго первокласснаго писателя земли русской, коему „опредѣлено было чудной властію“, свыше дать новое, жизненное направленіе отечественной литературѣ, вѣщимъ взоромъ провидца прозрѣть, и „сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя невѣдомыя ему слезы“ начертать новые пути для русской жизни [1]), и потомъ умереть въ скромной долѣ христіанина, глубоко сознающаго свои нравственныя немощи, въ единой непостыдной надеждѣ на безконечное всепрощеніе Божіе и вѣчное воздаяніе за гробомъ... Но уже и тогда носился надъ нимъ духъ благодати Божіей, наставляющій человѣка на всякую истину отъ юности его, и открывающій „избранникамъ“ своимъ тайны жизни отъ первыхъ проблесковъ разума ихъ и сознательнаго отношенія къ самимъ себѣ и обществу. Какъ самъ Гоголь говоритъ въ своей „авторской исповѣди“, онъ „началъ задумываться о будущемъ въ ту пору, когда всѣ его сверстники думали еще объ играхъ“, и ему „всегда казалось, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что онъ сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра“... [2]).

---

[1]) Разумѣемъ, напр., освобожденіе крестьянъ, столь тѣсно связанное съ „мертвыми душами“ Гоголя, и др.

[2]) Изъ безыменной записки Гоголя 1847 г. См. и записки о жизни Николая Васильевича „Гоголя“. С.-Петербургъ 1856 г. т. I, стр. 61, 338; т. II, стр. 33.

И вотъ этому человѣку мы открываемъ нынѣ въ нашемъ городѣ, хотя и скромный, но за то *первый и пока единственный въ нашемъ отечествѣ, памятникъ* въ воспоминаніе его воспитанія въ стѣнахъ этого заведенія, и въ посильное воздаяніе незабвенныхъ заслугъ его отечественной письменности и широкому, народному русскому самознанію въ созданіяхъ генія его.

Много мыслей и чувствъ самыхъ разнообразныхъ, много вопросовъ и думъ самыхъ высокихъ и благородныхъ, безъ сомнѣнія, будетъ пережито и перечувствовано у подножія этого памятника всякимъ, кому такъ или иначе дорого имя и память незабвеннаго Николая Васильсвича, какъ пережито и передумамо ихъ предъ невыяснившимся еще до конца ликомъ покойнаго.—Но надъ всѣми этими думами, чувствованіями и помышленіями, да позволено будетъ намъ здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, гдѣ столько времени молился нашъ Гоголь, и гдѣ впервые, безъ сомнѣнія, почувствовалъ онъ сладость того ближайшаго общенія съ Господомъ, къ которому стремился до гроба, поднять завѣсу его знаменательныхъ, христіанскихъ воззрѣній и жизни;—не для того, чтобы понять эти воззрѣнія и жизнь; онѣ, и въ особенности эта жизнь, на вѣки останутся тайною между нимъ и Господомъ, какъ было доселѣ.—Но для того, чтобы изъ этихъ воззрѣній и этой жизни по возможности извлечь уроки для себя, столь необходимые особенно въ наше тревожное, не установившееся время.

Когда-то Гоголь, пораженный широтою необъятной, „громадно-несущейся русской жизни“, вопрошалъ въ недоумѣніи: Русь, куда-же несешься ты? Дай отвѣтъ“... Теперь вопросы подобнаго рода еще въ большей мѣрѣ поднимаются у каждаго изъ насъ, съ тою особенностію, что съ сознаніемъ собственнаго простора и неустойчивости мы ищемъ также средствъ для нашего самоопредѣленія, исправленія и обновленія.—Кому же не извѣстно, что изъ всѣхъ лучшихъ средствъ для нравственнаго воспитанія и перевоспитанія общества, для укрѣпленія и поддержанія въ немъ всякихъ гражданскихъ, семейныхъ и прочихъ добродѣтелей, одно изъ самыхъ могучихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ составляетъ литература, надлежаще направленная, свободная отъ предразсудковъ и злоупотребленій и преданная исключительно истиннымъ, законнымъ интересамъ жизни и общества. Теперь мы всѣ, отъ мала до велика, отъ Престола и до послѣдняго гражданина, съ понятною трево-

гою глядимъ на нашу отечественную письменность, отмѣчая всякій шагъ ея въ ту или другую сторону и со всею искренностію наболѣвшей души радуясь малѣйшему движенію ея къ устроенію нашего блага и преуспѣянія, на правахъ долга и заповѣдей Божіихъ.—Теперь, однимъ словомъ, намъ всего болѣе и паче всего необходима литература, основанная на вѣрѣ, проникнутая духомъ вѣры, и въ одной только вѣрѣ полагающая свою силу и права свои для дѣйствованія на жизнь и общество.

Но въ томъ-то и горе наше великое и бѣда тяжкая, что подъ вліяніемъ непростительной апатіи и напускнаго либерализма, подъ вліяніемъ недобрыхъ совѣтовъ и своего собственнаго развращеннаго сердца, подъ вліяніемъ страстнаго увлеченія чужимъ и презрѣнія къ отеческимъ законамъ и обычаямъ, и, что всего опаснѣе, подъ вліяніемъ утерянной вѣры въ свои собственныя силы и средства, мы съ рѣдкимъ упорствомъ, почти на всякомъ шагу, бѣжимъ отъ вѣры, часто даже вопреки требованіямъ собственной совѣсти и здраваго смысла человѣческаго, потому только, что путь вѣры и закона Божія представляется намъ труднымъ, мрачнымъ, и для иныхъ, да проститъ Господь, даже какъ будто-бы опаснымъ для надлежащаго—де развитія и успѣховъ общества и самой письменности.

Пусть же станетъ между нами и нашею жизнію, между нашими общественными недугами и литературою добрая, вѣрующая личность Гоголя, и пусть скажетъ намъ: такъ-ли это на самомъ дѣлѣ, и возможно ли даже что либо подобное въ томъ или другомъ отношеніи?

Да, братіе и други возлюбленные о Господѣ, и въ особенности вы, почтеннѣйшіе представители отечественной мысли и литературы, почтившіе наше торжество своимъ обязательнымъ присутствіемъ, вы, для коихъ память и творенія Гоголя, безъ всякаго сомнѣнія слишкомъ дороги,—иначе вы и не явились-бы сюда, на нашъ скромный праздникъ,—вы можете и должны засвидѣтельствовать предъ лицемъ всего міра, что покойный Николай Васильевичъ одинаково былъ вѣрующимъ человѣкомъ и тогда, когда писалъ свои такъ называемые *свѣтскія* произведенія, обезсмертившія его имя,—и тогда, когда издавалъ въ свѣтъ знаменательную „*Переписку съ друзьями*“, за которую многіе чуть было навсегда „не отвели ему, какъ онъ самъ предвидѣлъ, презрѣнный уголъ, въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество“ [1]); что и Гоголь былъ правъ, когда писалъ своей нѣжнолюбимой матери въ апогеѣ своей литературной славы [2]), что въ немъ „лучше видѣть христіанина и человѣка, чѣмъ литератора“ [3]), и истину непреложную высказалъ о немъ, не задолго до его смерти, человѣкъ, ближе другихъ знавшій покойнаго Николая Васильевича и любившій его болѣе другихъ [4]), что и тогда „талантъ Гоголя не погибъ“, но явился еще въ большей силѣ, какъ того ожидалъ и какъ объ этомъ молился Гоголь до послѣднихъ дней своихъ [5]). Теперь ни для кого не тайна, что именно только своей глубокой вѣрѣ въ Бога и неизмѣнно соединенной съ нею любви къ человѣчеству Гоголь обязанъ былъ лучшими произведеніями своего генія, въ которыхъ, бичуя насъ *горькимъ словомъ* своего неумолимаго *смѣха* [6]), или юмора, онъ старался всегда и вездѣ воспламенять въ насъ искру Божію, освѣщать нашу грѣховную внутренность, расшевелить непроизводительные въ насъ, лучшіе задатки жизни, и наполнить жгучимъ сознаніемъ, что не одни только герои, имъ описываемые, но что мы сами не хочемъ быть, не должны быть таковыми во имя Господне. Теперь мы всѣ знаемъ доподлинно, что именно подъ вліяніемъ живой, неизмѣнной вѣры въ Господа, путеводившей Гоголя въ Святой градъ, до самаго Гроба Христова, онъ совершилъ въ послѣдніе дни жизни своей чудный подвигъ высочайшаго самоотверженія, предавъ огню завѣтное свое, любимѣйшее твореніе, надъ которымъ работалъ болѣе всего, и въ которомъ, какъ самъ много разъ говорилъ, единственно расчитывалъ оставить послѣ себя нѣчто лучшее, о себѣ напоминающее“... [7]). Онъ, очевидно, не считалъ себя, какъ объ этомъ прекрасно говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его (какъ онъ самъ желалъ) были огнями, воспламеняющими добродѣтельныя души и озаряющими ясно, какъ день, пути для всякаго; онъ не дерзнулъ помыслить предъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе устре-

---

[1]) Мертвыя души. Изд. 1846 г. стр. 252—252.

[2]) Въ 1844 году.

[3]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 339.

[4]) С. Т. Аксакову.

[5]) Записки о жизни Гоголя, т. II, стр. 228.

[6]) Изъ надгробной надписи на памятникѣ Гоголя въ московскомъ Даниловомъ монастырѣ. См. Іерем. VIII, 20.

[7]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, стр. 181.

мило общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, подвелъ это твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ прегрѣшеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи, и опредѣлилъ сдѣлать его тайною между собою и Тѣмъ, отъ Кого получилъ первое поэтическое наитіе" [1]) и даръ ясновидѣнія и непосредственнаго пониманія жизни человѣческой.

Что-же мы? Мы не только въ большинствѣ случаевъ не помышляемъ о требованіяхъ вѣры, когда пишемъ, не только не подводимъ своихъ сочиненій подъ судъ евангелія и ученія Христова, когда издаемъ ихъ въ свѣтъ, но какъ-бы нарочито позаимствовались отъ міра особымъ видомъ литературы такъ называемой *свѣтской*, поставивъ ей въ непремѣнную обязанность, въ отличіе отъ литературы духовной, никогда не упоминать о Богѣ, и если и говорить о долгѣ и совѣсти, то помимо всякаго высшаго авторитета и закона евангельскаго, и по первому желанію или востребованію распространять въ средѣ читателей самыя нелѣпыя, самыя крайнія, а подчасъ и самыя сумасбродныя мысли и воззрѣнія, чуждыя не только вѣрѣ, но и самымъ кореннымъ, естественнымъ требованіямъ долга и совѣсти. Вамъ, слушатели боголюбивые, ближе всѣхъ извѣстно, что это печальное и не законное раздѣленіе между литературою духовною и свѣтскою, а вмѣстѣ съ симъ и между духовною и свѣтскою жизнію, было, между прочимъ, причиною того, что многіе сейчасъ отвернулись было отъ Гоголя, какъ только онъ осмѣлился заговорить о Богѣ и о Христѣ, о ближайшемъ общеніи твари съ Создателемъ, о молитвѣ и будущемъ воздаяніи. Вы знаете и должны знать, какъ никто, что воспитываемые исключительно на одной свѣтской литературѣ наши отцы, наши ближніе, братія и чада сами часто до мозга костей становятся свѣтскими, т. е. чуждыми всякихъ интересовъ вѣры и благочестія, а вслѣдъ за симъ,—о да не возглаголютъ уста наши дѣлъ человѣческихъ,—или совершенно безполезными, или же до конца вредными членами общества.

Потому Гоголь прекрасно говоритъ въ своей монографіи „о томъ, что такое слово": „опасно писателю шутить словомъ. Слово гнилое да не исходитъ изъ устъ вашихъ. Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ"...[1])

Не то желаемъ мы сказать здѣсь, чтобы всѣ писатели на свѣтѣ говорили и писали всегда только о Богѣ и добродѣтели. Мы съ Гоголемъ же не назовемъ всѣхъ нашихъ писателей безбожниками и деистами [2]). Мы во имя Господне, во имя всеобщаго блага и счастія человѣчества, желаемъ и требуемъ только, чтобы всѣ писатели наши, подобно Гоголю, убѣдились до конца, что всѣ ученія философовъ и прочихъ мыслителей человѣчества должны сходиться, какъ радіусы въ центрѣ, въ ученіи Спасителя міра, и что только христіанину отверзаются всѣ таинства души человѣческой [3]), и не стыдились и не лѣнились говорить о Богѣ тамъ, гдѣ это нужно, учили добродѣтели, когда это слѣдуетъ,—а сколько бываетъ такихъ случаевъ!!!—не возлагая этой обязанности намѣренно и богопреступно—исключительно на одну церковь и ея представителей, какъ будто бы заповѣдь о взаимномъ учительствѣ и назиданіи во имя Христово относится къ однимъ только духовнымъ,—а тѣмъ паче не допуская въ среду нашу непризванныхъ своихъ и заморскихъ учителей, которые только морочатъ своихъ клевретовъ, потому что у насъ нѣтъ живаго свѣтскаго, или, если такъ можно выразиться, отъ міра, отъ мірскихъ—свѣтскихъ людей исходящаго слова о Богѣ и спасеніи, и мы, не пріучившись читать *духовныя книги*, и вообще не настраивая, какъ должно, своего слуха и сердца къ святому и божественному, до того полюбили суету мірскую, что, по мѣткому выраженію самаго же Гоголя, часто „не хочемъ даже выслушать словъ, когда выходитъ сказать ихъ духовное лице, или, какъ вѣрнѣе выражается Гоголь по мірски: *попъ въ рясѣ*... [4]).

Вмѣстѣ съ этимъ, желая быть достойными представителями отечественной письменности по слѣдамъ Гоголя, мы должны воспитывать въ себѣ то, что онъ называлъ „прочнымъ дѣломъ своей жизни", т. е. воспитывать душу и сердце свое въ подвигахъ вѣры и благочестія христіанскаго для

---

[1]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, стр. 262, 264.

[1]) Полное собраніе сочиненій Гоголя. Москва, 1874 г. т. IV, стр. 581.

[2]) Изъ письма Гоголя къ о. Матвѣю 9 мая 1847 г. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, стр. 139.

[3]) Сравн. тѣже записки, т. II, стр. 169.

[4]) Тамъ же, т. II, стр. 138.

достойнаго выполненія произведеній ума своего [1]). Всѣ мы должны согласиться съ Гоголемъ, что „добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ хотя сколько нибудь на нихъ похожимъ, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды" [2]), что „законъ Христовъ можно внести съ собою по всюду, даже въ стѣны тюрьмы и можно исполнять его во всякомъ званіи и сословіи", слѣдовательно, „можно исполнять его также и въ званіи писателя"—и если „примѣры сильнѣе разсужденія, то нужно только для этого писателю умѣть прежде самому сдѣлаться добрымъ и угодить жизнію своею сколько нибудь Богу"... [3]).

Ясно, Гоголь говоритъ здѣсь подъ наитіемъ заповѣдныхъ словъ Божественнаго Спасителя нашего: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* [4]), тѣмъ паче, что по непосредственному глубокому опыту, или „душевному открытію" самаго же Гоголя, внутренній актъ нравственной, христіанской самодѣятельности у писателя долженъ соединяться всегда съ „актомъ творчества, совершающагося посредствомъ молитвы" ко Господу, подателю всякой мысли и „вдохновенія" [5]).

И сколько темныхъ сторонъ было бы освѣщено и предотвращено, сколько пятенъ было-бы смыто и изглажено въ литературѣ и во всей письменности нашей, если-бы каждый изъ насъ, чувствуя душею и сердцемъ свое недостоинство предъ Богомъ, и тяжкую отвѣтственность предъ Нимъ и судомъ Его страшнымъ за свои неправды и беззаконія, старался, подобно Гоголю и всѣмъ лучшимъ мыслителямъ человѣчества, прежде чѣмъ писать, „обращать побольше вниманія на изученіе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество" [6]) съ непреложнымъ обязательствомъ тутъ же прилагать эти законы къ своей собственной жизни, и въ тоже время всякій разъ сосредоточивая свои силы, или, какъ говоритъ Гоголь,

[1]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, стр. 153.

[2]) Тамъ-же, стр. 150.

[3]) Изъ письма Гоголя къ о. Матвѣю. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, стр. 140.

[4]) Мѳ. VI, 33.

[5]) Изъ письма Гоголя къ Языкову 4 ноября 1843 г. См. записки о жизни Н. В. Гоголя т. II, стр. 36—39.

[6]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, стр. 168.

„вызывая и собирая ихъ посредствомъ молитвы" [1]), —и вообще прежде чѣмъ выпускать въ свѣтъ свои произведенія и поучать другихъ, „заботился бы вынести сильное, внутреннее воспитаніе душевное" [2]).—Въ этомъ отношеніи лучшаго совѣта нельзя предложить нашимъ писателямъ, кромѣ того, который Гоголь далъ друзьямъ своимъ въ „напутственномъ словѣ", не задолго до кончины своей: „дѣлайте каждый свое дѣло, молясь въ тишинѣ. Общество тогда только исправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою, и будетъ жить, какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему, человѣчество двинется впередъ"... [3]).

А пока Господь, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, поставитъ на добромъ пути однихъ изъ насъ, или укрѣпитъ во благомъ дѣланіи другихъ, пока, согласно чаяніямъ самаго Гоголя, „инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаньѣ главы, и почуютъ всѣ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей", [4]) пока, водимые Духомъ Божіимъ, мы понесемъ отселѣ духъ вѣры и благочестія христіанскаго во всѣ концы дорогаго отечества нашего, помолимся объ усопшемъ Николаѣ Васильевичѣ, да со славою земною, которую мы уготовали ему въ своемъ памятникѣ здѣсь, на землѣ, Небесный Домовладыка и Мздовоздаятель сторицею воздастъ ему тамъ, во царствіи своемъ, чтобы облагодѣтельствованный молитвою онъ могъ витать непрестанно между нами не только въ своихъ твореніяхъ, но и самымъ своимъ безсмертнымъ духомъ, для нашего ободренія, возбужденія и укрѣпленія, во исполненіе того, какъ самъ онъ прекрасно училъ въ своихъ „*размышленіяхъ о божественной литургіи*", что „разлуки нѣтъ между живущими въ Богѣ, что тѣлесностію нашего тѣла не прекращаются сношенія съ усопшими, что любовь приходитъ еще

[1]) Тамъ-же, стр. 39.

[2]) Изъ письма Гоголя къ Плетневу 6 октября 1843 г. См. записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, стр. 335.

[3]) Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, стр. 236.

[4]) Полное собр. сочиненій Гоголя. Т. III. Мертвыя души, стр. 142.

въ большую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви, и все, что ни истекаетъ отъ Христа, вѣчно, какъ Онъ-Самъ источникъ, изъ котораго оно истекаетъ“ [1]). Аминь.

Освященіе сельской церкви.

Въ селѣ Китайгородѣ, чигиринскаго уѣзда 3-го Благочинническаго округа, иждивеніемъ прихожанъ, при значительномъ денежномъ пособіи отъ казны,—подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго благочиннаго о. Г. Петрушевскаго, построена на каменномъ фундаментѣ, вмѣстѣ съ колокольнею, новая деревянная церковь,—въ честь апостола и евангелиста Іоанна Богослова, на западной сторонѣ старой Іоанно-Богословской церкви [2]), перестроенной въ 1850 году помѣщицею Камиліею Шимановскою, изъ старой, находившейся на этомъ мѣстѣ, съ 1750 года. По преданію народному, первоначальная церковь въ Китайгородѣ была во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, разрушенная татарами, находилась неподалеку отъ плотины, устроенной на ручьѣ Сорокѣ. Новосозданная церковь очень красива, помѣстительна, свѣтла и аккуратно внутри и снаружи выкрашенная. Иконостасъ въ ней новый, очень приличный, сдѣланный Кіевскимъ мастеромъ. Вездѣ видно опытное наблюденіе за работами достопочтеннаго о. благочиннаго, такъ какъ по особымъ обстоятельствамъ въ Китайгородѣ съ 1862 года перемѣнилось семь приходскихъ священниковъ. За постройкою церкви, заботливости нынѣшняго священника предстоитъ построить церковную ограду, на кладбищѣ каплицу, училищное зданіе и священническій домъ, но въ ожиданіи котораго пока ему приходится съ семействомъ бѣдствовать въ полуразрушенной избѣ, по пословицѣ, крытой небомъ и огражденной чистымъ воздухомъ.

Наканунѣ освященія церкви, послѣ окончанія литургіи, въ старой церкви о. Настоятелемъ совершена была панихида о строителяхъ и благодѣтеляхъ той церкви, предкахъ настоящихъ. Въ самый день освященія всенощное бдѣніе совершено въ 3 часа утра, а ровно въ 8 часовъ, послѣ благовѣста мѣстный благочинный съ 4-мя священниками и діакономъ вошелъ въ старую церковь и, облачившись, совершилъ краткое молитвословіе, поднявъ св. Антиминсъ, перенесъ въ новую церковь и, совершивши по чиноположенію освященіе храма, совершилъ божественную литургію, въ концѣ каковой настоятелемъ церкви о. І. Щуровскимъ сказано было приличное случаю поученіе. День былъ ясный, народа много; при взглядѣ на присутствующихъ прихожанъ нельзя было не замѣтить ихъ радости и умиленія. На церковномъ погостѣ о. благочинный благословилъ трапезу для нищихъ и сказалъ приличное наставленіе прихожанамъ. Съ построеніемъ церкви въ въ Китайгородѣ, въ 3 мъ округѣ благочинническомъ, состоящемъ изъ 16-ти церквей, въ настоящее время, всѣ церкви находится въ должномъ благолѣпіи, и, правду сказать, честь эта принадлежитъ прежде всего оо. Настоятелямъ,—а потомъ и прихожанамъ.

Священникъ *І. Жаловскій.*

[1]) Размышленія о божественной литургіи Н. В. Гоголя. Издалъ П. А. Кулишъ. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 122—123.

[2]) Старая церковь вмѣстѣ съ иконостасомъ имѣетъ быть продана и на вырученныя деньги будетъ устроена церковная ограда

Праздникъ въ честь протоіерея. Намъ сообщаютъ, что 30 августа нѣсколько лицъ изъ духовенства и учебнаго вѣдомства чествовали исполнившееся тридцатипятилѣтіе учебной службы пользующагося достойнымъ уваженіемъ въ Кіевскомъ обществѣ протоіерея Прозоровской церкви Александра Петровича Борецкаго, бывшаго преподавателемъ естественныхъ и математическихъ наукъ въ кіевской дух. семинаріи и нынѣ съ честію продолжающаго учебную службу въ званіи законоучителя женской гимназіи. Сосѣди изъ духовенства, прежде всего почтивъ юбиляра соборнымъ сослуженіемъ съ нимъ 30 августа въ его храмѣ и затѣмъ вмѣстѣ съ его сослуживцами гражданскаго и военнаго вѣдомства (къ которому принадлежитъ Прозоровская церковь), принесли ему сердечныя поздравленія и благожеланія въ его квартирѣ. За обѣдомъ, предложеннымъ гостямъ радушнымъ юбиляромъ, послѣ многолѣтія Государю Императору, предложенъ былъ тостъ и за здоровье юбиляра, причемъ директоръ Фундуклеевской и подольской женскихъ гимназій А. И. Линниченко, съ обычнымъ ему искуствомъ и одушевленіемъ, произнесъ рѣчь, въ которой сочувственно охарактеризовалъ долголѣтнюю полезную дѣятельность о. Александра, какъ учителя и законоучителя.

Правительственная газета для народа. Въ виду безусловнаго довѣрія простаго народа ко печатному слову, которое однакоже часто этого довѣрія не заслуживаетъ и въ виду происходящихъ

вслѣдствіе этого недоразумѣній и перетолкованій правительственныхъ дѣйствій и распоряженій, давно уже сознавалась необходимость изданія правительственной газеты для народа. Нынѣ эта потребность удовлетворена. Съ 1 сентября, сталъ выходить *Сельскій Вѣстникъ*, газета, имѣющая назначеніе дать чтеніе простому народу и свѣдѣнія о мѣрахъ правительства, касающихся сельскаго населенія. Въ программѣ этой газеты находятся слѣдующія предувѣдомлѣнія для подпищиковъ:

„Въ *Сельскомъ Вѣстникѣ* всѣ извѣстія и статьи печатаются по распоряженію или съ вѣдома правительства. А потому, если въ частныхъ газетахъ или посредствомъ пересказовъ будутъ возникать какіе-либо слухи и извѣстія, не подтверждаемые *Сельскимъ Вѣстникомъ*, къ таковымъ слѣдуетъ относиться съ осторожностію. Всякій, желающій провѣрить дошедшій до него слухъ, о которомъ въ *Сельскомъ Вѣстникѣ* ничего не сообщается, или вообще получить какія-либо разъясненія или свѣдѣнія, можетъ обращаться въ эту газету съ письменнымъ запросомъ, адресуя оный: въ С.-Петербургъ, въ редакцію *Правительственнаго Вѣстника*. Отвѣты на такіе запросы по возможности будутъ печататься въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*. *Сельскій Вѣстникъ* будетъ разсылаться безплатно во всѣ волостныя правленія для того, чтобы крестьяне и другаго званія люди могли тамъ читать его по праздникамъ или въ иное время. Кромѣ того, всѣ желающіе могутъ выписывать это изданіе для себя изъ Петербурга, съ платой за 4 мѣсяца нынѣшняго года 1 рубль. Требованія нужно адресовать такъ: Въ С.-Петербургъ въ редакцію *Правительственнаго Вѣстника*. О подпискѣ на будущій годъ будетъ объявлено въ послѣдствіи".

Въ первомъ нумерѣ *Сельскаго Вѣстника* напечатаны слѣдующія статьи: Путешествіе Государя Императора и Государини Императрицы, правительственныя распоряженія, новый порядокъ арендованія казенныхъ земель, разныя извѣстія и торговыя извѣстія.

Профессоръ *А. Вороновъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе: *Часть неоффиціальная*. Открытіе бюста Николаю Васильевичу Гоголю въ г. Нѣжинѣ.—Слово по случаю открытія бюста Гоголю въ Нѣжинѣ, сказанное въ нѣжинской институтской церкви 4-го сентября 1881 года.—Освященіе сельской церкви.—Праздникъ въ честь протоіерея.—Правительственная газета для народа.—Объявленія.

Печатать дозволяется. 15 сентября 1881 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, собств. домъ.